

В КАКУЮ БЫ ЭПОХУ ни жил поэт, он всегда свидетель первого века. Века, в который явилась путеводная звезда и вода обратилась в вино. Века непреложных истин, рождённых хождением по водам и перебитыми голенинами, горькой чащей и губкой с укусом. Первый век указал путь одоления предательства, тьмы, смерти, путь к неугасимому свету.

Веком *"синим от неба и солнца"*, веком *"прокладки широких дорог"* назвал его Борис Слуцкий. Именно в этом столетии земля была ближе к "вечной лазури", слово обрело плоть, стало *"половиной дела, лучшей половиной"*, смогло "горы переставлять". Потому поэт в своём календарном, историческом веке, даже спустя два тысячелетия, сохранит небесное притяжение начала эры.

Век за веком человечество копило противоречия, зломослие, дряхлело от бесплодных дел, всё реже поднимало глаза к солнцу, привыкая видеть только прах. Всё реже восклицало "Осаина!" и всё чаще кричало "Распили!"

Люди уподобились лошадям, выбравшимся из трюма корабля, потопленного посреди океана. *"И сперва казалось — плавать просто, океан казался им рекой"*, думалось, что до берега — следующего века — всего один рыжок, малое усилие. Но "воды многие" были необозримы, увлекали в пучину ослабевших и отчаявшихся. И оставшимся, чтобы доплыть, предстояло сбросить всё лишнее, oberечь только необходимое, сокровенное, подлинное. И сбросили они потускневшее золото, яства, уготованные для пира, расшитые земные одежды, но бремя не стало легче — продолжало тянуть на дно.

И только поэт прозрел, что толпит людей короста греха, сковавшего души. Не смыть, не счистить его, только огнём поглотить можно. Но не тем, что высекается из камня, не тем, что теплится среди углей. Это огонь принесёт война, огонь неземной, пролитый из чашки нева:

*Плохие времена тем хороши,
Что выявлено качества души
Способствуют и казни, и война,
И глад, и мор — плохие времена.*

Савл в той войне станет Павлом, разбойник уверует, расслабленный окрепнет, павший обретёт жизнь вечную.

СВИДЕТЕЛЬ ПЕРВОГО ВЕКА

К 100-летию со дня рождения Бориса СЛУЦКОГО

После войны поэт уподобится Фоме, который усомнится во всём, станет убеждаться, что любовь, милосердие, счастье — есть, что в первом веке их не придумали. Поэт будет вкладывать персты в раны мира, и в нём, прободённом копием войны, ощутит лёгкий трепет, сердцебие:

*И решил я в ту пору,
Что есть доброта,
Что имеется совесть и жалость.*

Значит, души очистились, значит, человек стал невесом, и теперь, после великого испытания, он может не только плыть, но и идти по водам.

Раны мира остались на телах фронтовиков. Они разложили войну на пули, взрывы, осколки, ножевые удары, расщепили её на адские атомы, приняли их на себя, запечатали войну в своих шрамах до той поры, пока *"послевоенный период не станет предвоенным"*.

Поэт тоже обретёт свою рану. Её залечат в госпитале, развёрнутом в заброшенном храме. Там неотмирным видением, *"дорогой через сон"* поэту откроются проступившие сквозь белизну палаты Толгофские фрески, и в этих крестных муках родится поэтическая строка — животворный луч первого века.

"Грехи прощают за стихи" — донесутся до поэта то ли собственные слова, то ли слова друга, оборванные войной и так и оставшиеся незаписанными. Отныне тысячи невоплощённых стихов погибших товарищей станут жить в поэте. Поэзия *"рвётся к благодати"*, и потому никогда не умирает: застывая на устах одного, она изрекается другим. Замысел, не доживший до письменного стола, будет уловлен, как волна тепла, иным стихотворцем, может быть, обретая иные

формы, иные слова; пусть через десятилетия, но всё же дойдёт до читателя.

Таков божественный *"закон строфы и строки"*. Согласно ему, поэзия отсекает всё лишнее, фокусируется на самом главном, позволяет поверить в то, в чём невозможно убедиться:

*Но стих — прибежище души.
Без страха в рифму всё пиш.
За образом — как за стеною.
За стихотворною строкой,
Как за разлившейся рекой,
Как за бронёй цельностальною.*

Только поэзия сквозь мглу и тьму открывает обетованный берег беспокойного океана. Оттого в конце мучительного векового пути поэт всегда первым возмещает: "Земля!".

Поэт влечёт за собой всех, но ступить на берег нового столетия ему не суждено. Изнурённый больше остальных, уже идя по мелководью, он не уберёжёт своего сердца за десяток с небольшим лет до двадцать первого века:

*За порог его не перейду,
и заглядывать дальше не стану,
и в его сплочённом ряду
прошагаю, пока не стану,
и в каком-нибудь зномом году
на ходу улажу.*

Ведомые поэтом ступят на твёрдую почву, станут искать себе новых вожakov.

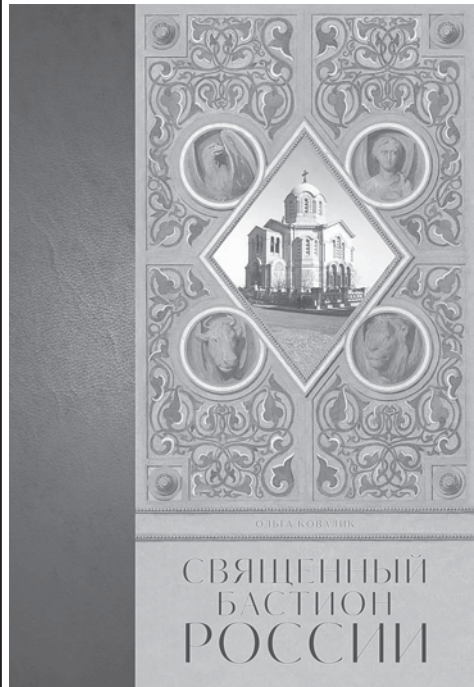
А поэт вернётся в благословенный первый век. Там уже будет те, кто готовился в земные пророки-сладкопевцы, а стал небесным ходагем: *"Серебряный, хрустальный, золотый стихи у ангелов..."*

Они, так похожие на друзей довоенной юности, источают свет, им неведомы телесные раны, неразрывными нитями ангелы посылают на землю солнечные лучи.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСТОРИЮ

О книге Ольги КОВАЛИК «Священный Бастион России»

Потёмкин негодовал на европейские государства в письме Екатерине, словно о нынешних "партнёрах" писал: "Они карабкаются все господствовать и вмешиваться в чужие дела, где их не просят. Злодеи непримиримые благополучия России и ненавистники славы Государыни нашей, они сочли, будто бы усадили Ея, чтобы быть, поджав руки... они выдают себя быть арбитром наших дел и будто мы от них зависимы. Они, как ад, испускающий престли на умы слабых, возмнили, что с помощью множества в России преданных им поклонников повертять всё, как хотят..."

"Перевертеть всё" усилиями "преданных им поклонников" и ныне не удалось. В те незабываемые весенние дни 2014 года "Владимирский собор-усыпальница превратился в мистический флагманский корабль, приведший Севастополь в родную гавань. Собылось пророчество первого епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова): Город вернётся Домой".

Яркий образ "Дома" раскрывается всем содержанием книги "Священный бастион России", он означает возвращение в историю государства Российского, от которой Тавриду оторгнуть невозможно!

Разумеется, у О. Ковалик не было ни малейшего намерения вступать в какие-то сегодняшние дебаты о "принadleжности Крыма". Слишком низкая цель для её масштабного художественного исследования. Документы, людские судьбы и факты сами говорят на этих страницах. Сокращая дистанцию между рассказчиками и эпохами, по которым проходит читатель, автор переоткрывает заново даже известные события и персоны как живой, нестарейший урок многим явлениям современной российской действительности. И заметно подводит тебя к осознанию, что Севастополь, Крым — не просто занесённые на карту географические названия, не кусок земли, который можно, согласно каким-то своеловным указам, передавать из рук в руки, будто бездушную вещь (что и сделал в своё время Хрущёв). В основу "греческого проекта" преобразования Тавриды Екатерина Великая заложила не корыстное стремление захватить новую территорию для развития торговли или обогащения, как замечает тот же Потёмкин в одном из приведённых в книге писем, характеризующих варварский "разбор" Индии Англией. Присоединение Крыма, по замыслу императрицы, выходит за пределы политической или экономической прагматики — это экзистенциальное приращение, присоединение пространства уникального переживания.

Вот что пишет об этом О. Ковалик: "Не география — царьградские предания, Русская география — не только лист бумаги с начертанными границами, а визионерское представление о безграничности собственного мира... Вообще, "Греческий проект" — единственная в своём роде задача по культурологической и политической историометрии, для решения которой не годится ни формальный метод, ни множественность допущений. Прибегая к положению древнегреческого математика-мистика Пифагора, скажем, что в этом замысле Екатерины есть умозрительное намерение, но нет чётко заданного формата. Настоящая политическая топология..."

Через два столетия земля, где находится исток Крещения Руси, освещённая подвигом солдат и командиров в Крымскую, а затем — в Великую Отечественную войну, обрела ещё более мощный символический смысл. И в той мере, в какой мы связаны между собой в отношении к этой земле, мы способны чувствовать тот идеал, ту взаимность, которая и объединяет нас как народ в едином Отечестве. При этом всё положительное и отрицательное, жизнь, смерть — всё, происходящее с нами на обыденном земном уровне, нейтрализуется, исчезает. И открывается совершенство высшей жизни. Или не открывается. Вот тогда и убогие дебаты об экономической эффективности пространств, затратах на содержание и пр.

Между тем, многое раскрывает при взгляде на указанные проблемы глубокое замечание автора книги "Священный бастион России": "Греческий проект" являлся удачно сформулированной государственной идеей, стимулировавшей многочисленные начинания. Он кажется правильно сконструированным каркасом, на который императрица назначивала драгоценные части государственных дел. Вот почему проект можно принять и за ожерелье, и за головоломку, и за калейдоскоп. Части его подвижны, но всегда складываются в одно целое. Европейская периодика не смогла понять эту особенность российской политической картины и с упоением артикулировала её фрагменты".

Возможно, рождение такой идеи могло стать для России объединяющей, созида-

тельной силой в её устремленности в будущее? В любом случае книга О. Ковалик наводит на подобные мысли. Размышляя о российской истории, мы зачастую довольствуемся установлением причинных отношений между разными историческими моментами. И обедняем свои подходы. Не причинность составляет сущность факта как исторического явления. Историк, понимающий это, перестаёт перебирать череду событий... "Вместо этого он схватывает констелляцию, которую его собственная эпоха образует с определённой эпохой прошлого. Таким образом он утверждает понятие настоящего времени как "времени сейчас" (Jetztzeit), в которое вкрален осколок мессинского..." — писал замечательный немецкий философ Вальтер Беньямин.

Нам так не хватает в рассуждениях о российской истории видения этого "мессинского" начала в сегодняшнем дне. Создаётся впечатление, что современный мир вообще не формулирует и не ставит фундаментальных философских проблем, боится мыслить о человеке и его назначении, предпочитая рассуждать о частностях: выборов технологиях, личных карьерах, капиталах, — допуская лишь поверхностный рассказ о второстепенном, неподлинном, телесном в человеке.

Книга О. Ковалик задумана и создавалась на других основаниях. Она вырастает, страница за страницей, как будто собор, о возведении которого год за годом в ней повествуется, напоминая эпическим течением текста и многочисленными подробностями гомеровский перечень кораблей, как противовес вечности бурным событиям, сопровождающим это строительство. И ещё назову одно очень важное открытие исследователя: архитектурный облик Владимирского собора-усыпальницы является смысловой матрицей, задающей способы видения окружающего крымского исторического универсума как мироздания ("миро-здания").

Все составляющие Владимирского собора как архитектурного произведения оказываются вовлечёнными в своеобразные отношения, которые определяются не только техническими расчётами, но гармоническими соответствиями идейным замыслам и принципам его создателей, что придаёт этим камням жизнь, не ограниченную земным существованием.

Суть божественного Покрова, раскинутого над славным городом Севастополем прозрел святитель Иннокентий Таврический именно при закладке Владимирского собора-усыпальницы:

"Поелику же страна сия вставлена в состав России — в лице Св. Владимира — рукою самого Провидения, то нет врага, могущего её отторгнуть: "...яже убо Бог сочета, человек не разлучает" (Мф. 19, 6). В таком случае, если бы для отражения врагов не достало земных защитников, являясь небесные: восстанет из гроба, или паче сойдёт с неба сам Витязь Равноапостольный; сойдёт и приведёт с собою противу врагов весь сонм свяченномучеников херсонских, кои купили сию землю у самого Владыки вселенных не златом и серебром, а слезами и кровию своею" (Речь, произнесённая высокопреосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим, июля 15 дня 1854 года, при заложении в городе Севастополе храма во имя Святого и Равноапостольного князя Владимира).

Книга "Священный бастион России" читается на одном дыхании. Наверное, потому, что она прекрасно музыкально организована, чему способствует абсолютный слух О. Ковалик на русское слово. К тому же весь корпус текста арранжирован редкими и с большим художественным вкусом подобранными иллюстрациями, привлекающими внимание. Мастерски точны тональные и интонационные переходы от текстов цитируемых документов, писем и мемуаров к собственному писательским размышлениям и описаниям. Но особенно впечатляют динамизм и энергия авторской речи во фрагментах, повествующих о героизме и подвигах защитников Севастополя в ходе Крымской войны.

У этой книги есть загадка, о чём хотелось бы непременно сказать в заключение. Переворнув последнюю страницу, ты не перестаёшь думать о прочитанном. Так бывает по прочтении выдающихся произведений художественной прозы, где читателя задевают судьбы или характеры персонажей, перипетии сюжета, или мерцающий сквозь лежащие на поверхности события подтекст. Однако книга Ольги Ковалик в традиционном понимании — не роман со всеми его известными атрибутами, но она держит, не отпускает... Пусть каждый сам для себя попробует разгадать этот секрет.

Людмила ЛАВРОВА

— Отлично! — Воспикнула дочь его Сюзи. — Давай побыаем в Советском Союзе! Самуил МАРШАК, "Мистер Твистер"

КАК-ТО В ОДНОЙ ПЕРЕДАЧЕ дама-либерал воскликнула с артистическим пафосом: "Мы до Фестиваля 1957 года иностранцев видели только в кино! Причём кино было трофейное или штатовское, Голливуд!" Она поведала, что и западные гости также не особо помнили в Страну Советов, считая это опасным и как минимум бесмысленным приключением — ну, что смотреть в Москве 1930-х или ещё каком-нибудь Ленинграде? Нищету? Грязь? Плохое питание? Скудные магазины? Ещё и за шпiona примут. Справедливости ради, шпиономания в межвоенную эпоху бывала во всём мире, что не мешало господам-буржуям приезжать в Советскую Россию — и не всегда с разведывательными целями.

На ум приходит заученный в детстве стихок "Мистер Твистер", где дочь магната, начитавшись рекламных буклетов, выстреливает слоганами: "Я буду питаться зернистой икрой, / Живую ловить осетрину, / Кататься на тройке над Волгой-рекой / И берать в колхоз по малину!" (Видимо, над из путеводителя Thomas Cook's, о котором говорилось у Маршакa. Впрочем, один из героев Сомерсета Моэма считал, что хороший тон — это "неистово презирать" путеводитель Кука.) Но вернёмся в Страну Советов...

Помните занятный эпизод из романа "Золотой телёнок", где Остап встречает на пыльной дороге двух жуликоватых американцев, ищущих рецепты русского самогона? Этот фрагмент понадобится нам для последующей беседы, а потому — крайне важен.

— Скажите, эти двое не из Рио-де-Жанейро? — Нет, — ответил соотечественник, — они из Чикаго. А я переводчик из "Интуриста".

УВИДЕТЬ СССР!

Роскошная и печальная выставка в Музее Москвы

Плакат «See USSR» (1930). Художник М. ЛИТВАК-МАКСИМОВ

— Что же они здесь делают, на расстуже, в диком древнем поле, вдалеке от Москвы, от балета "Красный мак", от антикварных магазинов и знаменитой картины художника Репина "Иван Грозный убивает своего сына"? Не понимаю! Зачем вы их сюда завезли?"

Из этого краткого диалога мы узнаём не только достопримечательности и пункты, интересовавшие зарубежных гостей 1930-х; тут звучит название конторы — "Интурист". Да, булгаковский Коровьев не преминул пожаловаться: "Вот они где у меня сидят, эти интуристы! Верите ли, всю душу вымотали! Приедет... и или нашкоит, как последний сукин сын, или же капризны все нервы вымотает: а то ему не так, и это не так!"

В Музее Москвы на Зубовском бульваре открылась увлекательная выставка-путешествие "История "Интуриста" в советском туристическом плакате". Устроители сообщают: "Это ретроспектива оригиналов зарубежных рекламных постеров "Интуриста", созданных в 30—70-е годы XX века. В экспозиции — предметы из фондов Музея Москвы и более 30 плакатов из архива туроператора и зарубежных частных коллекций". Уникальные произведения советских дизайнеров, но не расчёте на заграничного потребителя. Интерес к первому в мире социалистическому государству был велик — и в постреволюционную эру, и много позже. Характерные автобусы с буквами Intourist гордо "рассекали" по Москве, Ленинграду, Золотому Кольцу в мои 1980-е, когда преклонение перед любым "импортом" достигло своей критической точки. Но сегодня — не будем о грустном. У нас другая тема — тур-плакат как искусство. Он должен быть не только современным и ярким, но и привлекателен для жителей буржуазных стран, где реклама — надроедливая, крикливая, повсеместна.

Изначально, то есть в 1929 году, компания называлась "Внешнеэкономическое акционерное общество по туризму и инвестициям "Интурист" — имя нэповское, в стиле "революционных двадцатых". Ранние плакаты (конца 1920 — 1930-х годов) предлагают иностранцам полюбоваться не лавочками всяких мадам Грицацуевых, но, прежде всего, колоссальными измещениями в промышленной, железнодорожной и сельскохозяйственной сферах. Громкий призыв "See USSR!" сопровождал приглашение в Магнитогорск — на плакате (1930, авт. А. Скурихин) изображён радостный удальник металлургического комбината на фоне индустриальной громадины. Конструктивистский коллаж и знакомый ракурс в стиле Александра Родченко — картинка подается не прямо, а наклонённой, как бы в динамике. На другом плакате (1930, авт. А. Фролов) с тем же кличем "See

USSR!" мы видим фигуру самого путешественника, жадно фотографирующего пространство, притом, что персонаж выходит из мрака и взгляду его предстаёт солнечный диск. Но главное тут — знак вопроса, венчающий композицию. Увидеть СССР и — что-то понять о нём? Великое идеологическое решение, помноженное на умелый дизайнерский трюк.

Реклама — это показ товара и услуги с наивыгоднейшей стороны. С той, которую хотят явить. На рисунках наблюдаем запитую солнцем столицу; и древний Кремль, и малоизящный, уверенно-горделивый силуэт "Дома на набережной", и автомобили, и речные катера на Москверке (1935, авт. Н. Жуков). Другая вещь того же автора (1936) высвечивает угол отеля "Москва" с порталом в метро и — Совет Труда и Обороны — респектабельное правительственное сооружение больше американского, чем европейского типа. Тщательно выписан ряд машин: СССР не "лапотно-лошадная" держава. Столицу показывали как суперсовременный мегаполис, тогда как Ленинград выступал как хранитель имперской старины и, разумеется, "колыбель Октябрьской революции". На одном из плакатов с уже привычным "See USSR!" (1930, авт. М. Литвак-Максимов) дан фрагмент глобуса (та самая шестая часть суши) и все её красоты: Спасская башня, питерский шпиль, среднеазиатская экзотика... Смысл: у нас можно увидеть и стремительную, деловую Европу, и вечную Азию, которая, несмотря на жёсткое обновление, всё же хранит ориентальный шик.

В стихотворении Сергея Михалкова "Свобода слова" есть примерная карта посещений: "Он сказал: "Я был в Париже, / Видел Осло, Лондон, Рим, / А теперь Москву увижу, / Ленинград, Кавказ и Крым". К этому стишку мы ещё вернёмся — очень уж он символичен! — а сами движемся в Крым! Реклам, приглашающих посетить одно из

самых обворожительных мест Советского Союза, на выставке довольно много: пляжно-развлекательная тема, с лодочными прогулками и осмотром цветущей престли юга. На многоцветно-радостном фоне выделяется скромная и стильная работа "Krim" (1935, авт. Н. Жуков). Жемчужно-серая тональность, дворец "Ласточкино гнездо" и ветка персика. А вот и Кавказ. "Военно-Грузинская дорога" (1939, авт. А. Житомирский) — машина с открытым верхом и чудо гор. Знаковый момент: наши художники-рекламисты, работавшие для западной аудитории, охотно и со вкусом использовали формы и линии ар-деко — направления, считавшегося в СССР чуждым и буржуазным. Поэтому при взгляде на эти плакаты, вспоминается оформление книг Агаты Кристи. Такова же и "Советская Армения" (1936-37, авт. С. Игумнов, М. Нестерова-Берзина) — мост, авто, горный массив. Но самая дивная вещь — "Шелетова — Баку" (1937, авт. Н. Жуков, А.Черномордик). Перед нами — девушка, выглядывающая из окна поезда. При этом не обидно-типовая красота предвоенного времени с крепко завитыми, пергидрольными локонами, а совершенно вневременная фигура с распущенными светлыми волосами. Острый контраст всех нюансов жёлтого — с красным плащом героини. Не менее выразительная дама нарисована на плакате "Санатории СССР" (1930, авт. М. Нестерова-Берзина) — много горячих оттенков, и сочетание с южной зеленью. Композиционная "точка сборки" — оранжевый зонт, какие были в моде на всех жарких курортах.

Особый интерес представляют плакаты, сделанные для германской публики. Допустим, "Спорт в СССР" (1936, авт. О. Эйгес) — белокурой юности и крепкими лыжками соревнуются в беге. Или эстетно-лаконичная "Природа в СССР" (1935, авт. Н. Жуков) — солнце-море-небо. Самолётик и парусники. Но самая парадоксальная картинка — "Зима в СССР" (1935, авт. Н. Жуков) — бело-серая полумгла и будто бы заиндевший лыжник в прыжке. Заранее "транслировали" немцам, что зима в СССР — это не променада на Ривьере?!

Плакаты напоминают и о событиях, которые по каким-то причинам стёрлись из общественной памяти. "Фестиваль танца в СССР" (1936, авт. Н. Жуков), проходивший в Ленинграде. На плакате изображён скорее гимнаст, чем танцор — в луче света. Надпись — по-английски, ибо мероприятие международное. Вырисовывается однозначная картина: Советский Союз при Сталине вовсе не был закрытым на сто замков, ощеренным лагерьм. "И однажды на вокзале / Он сказал: "Я потрясён / То, что вы мне показали, — / Это сказка. Это сон!" — Вот там строки из уже упомянувшегося стихотворения Михалкова. Об инеозном журналисте, которому показали проспекты, музеи, парки, школы и заводы. Но, приехав к себе домой, он написал гадости о Советском Союзе. И такое действительно случалось — часто под нажимом шефа издания. Или ты пишешь о большевиках мерзости, или завтра — вылетаешь на улицу с "вогльным билетом!"

Послевоенные плакаты — куда как менее удивляющие, но и здесь находим преплюбные образцы: например, "Visit the USSR!" (1958, авт. А. Антонченко) — тема звёздно-космического пространства; и в нём особое место занимает не столько сама Земля, сколько аллюирующий СССР, а путь самолёта Ту-104 пересекается с траекториями спутников. Советский мир в те годы воспринимался, как опасная и притягательная сверхцивилизация, обладающая неоспоримым первенством. В стилистике реклам конца 1950 — 1970-х годов прослеживается влияние модернизма с его нарочитой лапидарностью и геометрическими формами. Люди-силуэты, дороги-линии, города — штрихпунктиры. Вместе с тем, есть несколько работ, посвящённых городам Золотого Кольца, где пресловутый минимализм неплохо сочетается с древнерусской тематикой, где-то даже с использованием иконописной манеры (1958-1962, автор неизвестен).

Помимо самих плакатов, на экспозиции можно увидеть приметы советской жизни — то, с чем невольно сталкивались иностранные путешественники. Это — автомобиль "Москвич", телефонная будка, повседневные и праздничные костюмы, зонты, чемоданы, журналы, книги. На стенах — фотографии разных лет. Нам предстоит увидеть возможность созерцать наш СССР глазами интуриста — а по сути мы уже им и являемся! Советский проект — не только лишь достоянное прошлое, но и в чём-то — другая страна. Нет уже тех республик, тех видов и тех смыслов. Мы — такие же иностранцы на этой роскошной и... печальной выставке.

Галина ИВАНКИНА

XIX часть Благотворительного духовно-просветительского цикла, посвящённая 220-летию А.С. ПУШКИНА, **ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ**

16 мая 18.30
Белый зал Дома кино (ул. Васильевская д.13, проезд; до ст. м. "Белгородская" или "Маяковская", далее 7 мин. пешком)

ПУШКИН И ВЕЧНОСТЬ

Фильм и встреча
с духовником Алексеевского монастыря, членом Союза писателей России, протоиереем Артемием ВЛАДИМИРОВЫМ

художником-монументалистом, историком культуры А.В.АРТЕМЬЕВЫМ, и писателем, историком культуры В.Я.КУРБАТОВЫМ (г. Псков)
Автор и ведущая — певица, лауреат Пушкинской премии **Лина МКРТЧЯН.**

Подробная информация обо всех вечерах — в журнале "Покров".
Всех, кому дорога русская культура, никакой проси оказать помощь: 8 (925) 892-58-68-915-047-23-16
наш сайт: vozvrashenieline.ru
e-mail: linavam@inbox.ru

ДЛЯ ГОСТЕЙ ИЗ РОССИИ — БЕСПЛАТНО
Ассоциация ветеранов войн на территории Югославии с 18 по 28 июля 2019 г. проводит молодежный спортивно-оздоровительный лагерь на известном сербском горном курорте Златибор. В программе — туристические походы, занятия английским, спелеологией, верховая езда, экскурсии, культурные мероприятия и др. Приглашаются юноши и девушки в возрасте от 14 до 24 лет. Для гостей из России проживание и питание в лагере бесплатное. Участники оплачивают только дорогу до Сербии (организаторы обеспечивают встречу в аэропорту Белграда и доставку в Златибор). Не желающие отдохнуть и потренироваться в лагере "Златибор" должны заблаговременно, до 31 мая 2019 г., связаться с президентом Ассоциации ветеранов войн на территории Югославии г-ном Желько Вукмичем для подачи заявки и бронирования места. Адреса для переписки, справок, получения дополнительной информации: zeljkovukmick@yahoo.com; messages-noreply@linkedin.com